
ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

И.В. Яньшина

Институт актуальных международных проблем
Дипломатическая академия МИД России
Б. Козловский пер., 4, Москва, Россия, 107078

В статье анализируется эволюция подхода Великобритании к интеграционным процессам в Европе, показана двойственность ее политики в данных процессах, предпринята попытка выявить, что лежит в основе «европейской политики» Соединенного Королевства.

Ключевые слова: Великобритания, европейская интеграция, Европейский Союз, «особые отношения» с США, Ш. де Голль, Г. Макмиллан, Э. Хит, М. Тэтчер, Т. Блэр, Д. Кэмерон, евро, Лиссабонский договор.

Европейское — или, шире, западное — направление российской внешней политики издавна находится в фокусе внимания Великобритании. После избавления от монголо-татарского ига именно из Европы всегда исходила главная угроза для России, воплощавшаяся либо во вполне реальных войнах (вторжение Стефана Батория, польско-литовская интервенция, война со шведами, наполеоновское нашествие, крымская кампания, гитлеровская агрессия), либо в таких идейно-культурных влияниях, которые объективно могли подорвать единство российского общества по религиозным, классовым и этнонациональным линиям (деятельность Ватикана с его иезуитами, масонство, марксизм, «парады суверенитетов» позднесоветского и ранне-российского периодов и т.п.). Разумеется, после Второй мировой войны главным военным, экономическим и идеологическим противником России стали Соединенные Штаты Америки. Угроза с их стороны была настолько явной и ощутимой, что в Москве на каком-то этапе Европу — точнее западную ее часть — не воспринимали как самостоятельного актора. Достаточно вспомнить о довольно пренебрежительном отношении к первым шагам, предпринятым западно-европейцами на интеграционном поприще. Структуры, созданные ими в 1950-е гг., в Москве охарактеризовали всего лишь как «экономическую подпорку НАТО» [1], исходя из посыла, что все, что они делают, делается по указке их заокеанского «хозяина».

Лишь во второй половине 1960-х гг. в Москве стали рассматривать экономическую интеграцию западно-европейских стран как проявление их естественного стремления выйти из-под доминирования американских монополий, определяя данный процесс как рост «межимпериалистических противоречий». Позднее стали более явными и различия в позициях стран-участниц к этому процессу. Особое внимание привлекала позиция и действия Великобритании как страны, наиболее близкой к США. Вполне оправданно этот дифференцированный подход сохраняется по сей день. Если вдуматься, то следующий фрагмент из Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной 12 июля 2008 г., подтверждает это: «Российская Федерация заинтересована в укреплении Европейского союза...

Развитие взаимовыгодных двусторонних связей с Германией, Францией, Италией, Испанией, Финляндией, Грецией, Нидерландами, Норвегией и некоторыми другими государствами Западной Европы является важным ресурсом продвижения национальных интересов России в европейских и мировых делах, содействия переводу российской экономики на инновационный путь развития. Россия хотела бы, чтобы в этом же русле использовался потенциал взаимодействия с Великобританией» [3]. Здесь явно чувствуется сознательный намек на «особость» Великобритании и в рамках ЕС, и в контексте отношений России с ЕС и его другими членами.

Подход Соединенного Королевства к процессам европейской интеграции претерпел на протяжении десятилетий сложную эволюцию, объясняемую изменением геополитического статуса этой державы на мировой арене, имперская территория которой (вместе с Канадой, Индией, Австралией и доброй третью Африки) сто лет назад превосходила территорию Российской империи. В первое послевоенное десятилетие отношение к ним британских правящих кругов можно охарактеризовать, как сдержано нейтральное с оттенком высокомерия. Для этого имелось достаточно причин. Инициаторами экономической интеграции Западной Европы были Франция и Германия в лице Федеративной Республики Германии. В прошлом обе державы выступали соперниками Британской империи в борьбе за мировую гегемонию — Франция при Людовике XV и Наполеоне, Германия при Вильгельме II и Гитлере. При этом обе они, в конечном счете, потерпели поражение. А общие поражения иногда способствуют сближению.

В 1950-е гг. во всех странах Европы еще были свежи воспоминания о развязанной гитлеровской Германией Второй мировой войне. Это касается и британцев, которые в 1940—1941 гг. всерьез готовились — впервые за девять веков — к войне на своей территории. Как пишет британский дипломат С. Уолл, в 1983—1988 гг. работавший, а затем возглавлявший в британском МИДе Отдел по делам Европейских сообществ, в тот период «мои родители продолжали больше опасаться Германии, нежели Советской России» [9. С. 1]. Иными словами, Западная Германия еще несла на себе соответствующее клеймо. К Франции в Лондоне относились с плохо скрываемым пренебрежением, с определенным основанием считая настоящими, реальными державами-победительницами себя, США и СССР. Что касается Италии и трех стран Бенилюкса, то первая также относилась к числу побежденных держав, а три малые европейские страны — Бельгия, Нидерланды и Люксембург (Бенилюкс) — занимали существенно меньшее место в британской внешнеполитической стратегии.

В тот период Великобритания, пусть и потеряв «жемчужину британской короны» — Индию, все же оставалась глобальным актором, контролируя треть Африки и все еще немалые колониальные владения «к востоку от Суэца» и сохраняя, несмотря на экономическую, идеологическую и военно-политическую экспансию США, серьезное влияние в Канаде, Южной Африке, Австралии и Новой Зеландии, и даже в той же Индии. Объем ее торгово-экономических связей со странами только что созданного Британского содружества многократно превосходил объем таковых с Западной Европой [9. С. 1].

Британская внешнеполитическая парадигма в первые послевоенные полтора-два десятилетия сводилась к тому, что миром по-прежнему реально правит «большая тройка» в составе Великобритании, США и СССР, при том, что Великобритания и США как равные партнеры-союзники — «англо-саксы», как выразился У. Черчилль в своей речи в г. Фултон (штат Миссури) в 1946 г. — противостоят СССР. В данном контексте создание на континенте интеграционных объединений побежденными в войне немцами и французами, которых те же немцы разбили и оккупировали всего за один месяц 1940 г., а также еще более «второстепенными» Италией и странами Бенилюкса, не производило на британцев особого впечатления. Представляется, что одними из наиболее серьезных факторов, обусловивших рост их интереса к континенту, явились некоторые аспекты американской внешней политики. Одним из них стало нежелание США в послевоенный период делиться с Великобританией новейшими ракетно-ядерными технологиями, а некоторые американские политики и военные стратеги того времени именовали Великобританию — в определенном смысле уничижительно — своим «непотопляемым авианосцем». Можно напомнить, что это нашло отражение в известном романе-антиутопии английского писателя Дж. Оруэлла «1984», где Великобритания как составная часть некоей тоталитарной Океании (намек на НАТО) официально носила название «Взлетная полоса № 1».

Кроме того, с конца 1940-х гг. началось активное проникновение США и СССР — двух главных антагонистов в «холодной войне» — в регионы, которые в Лондоне считали своими традиционными зонами влияния. Создание в 1948 г. государства Израиль стало возможным, прежде всего, благодаря позиции и политике США и СССР, рассчитывавших использовать его для укрепления своих позиций на Ближнем Востоке, и, соответственно, вопреки интересам Великобритании. Когда в 1953 г. премьер-министр Ирана М. Моссадык национализировал подконтрольную британским компаниям нефтедобычу, Лондон сумел убедить США в том, что имеет место инспирируемая СССР «коммунистическая угроза». В итоге американское ЦРУ организовало переворот в Иране и реформаторы-патриоты были свергнуты, однако после этого шах Ирана избрал в качестве своего геополитического патрона Соединенные Штаты, став, подобно Израилю, главным американским союзником в регионе. Наконец, действуя, хотя, разумеется, и не согласованно, но одновекторно с СССР, США вынудили ее и Францию прекратить военные действия против Египта в октябре 1956 г. и, тем самым, отказаться от контроля над Суэцким каналом и соответствующих доходов. От СССР — главного антагониста Запада и «друга арабского и других угнетенных народов» — нельзя было ожидать иного. Но американская позиция была воспринята в Лондоне почти как предательство. Представляется, что именно тогда британские иллюзии о равноправном партнерстве с США впервые стали ставиться под сомнение.

Как известно, тогда же в Риме был подписан договор о создании «общего рынка» в составе Франции, ФРГ, Италии и трех стран Бенилюкса. В условиях, когда резко активизировался процесс крушения колониальных империй и Великобритания теряла еще остававшиеся у нее колонии, что не могло не сказываться на ее экономическом положении и геополитической самооценке, в Лондоне начал

зарождаться реальный интерес к интеграционным процессам по ту сторону Ла-Манша. В 1962 г. тогдашний британский премьер-министр Г. Макмиллан опубликовал брошюру, где, в частности, заявил: «Мы в Британии — европейцы. Нам нужно учитывать состояние мира в том виде, каким он является сегодня и будет завтра, а не в устаревших понятиях ушедшего прошлого. Остаются лишь два национальных объединения, способные по праву претендовать на звание мировых держав, а именно — Соединенные Штаты и Советский Союз. К ним, возможно, скоро добавится то, что Наполеон называл „спящим гигантом“ — Китай» [9. С. 2].

В результате именно в начале 1960-х гг. стали наблюдаться первые пробные попытки Великобритании подключиться к мероприятиям европейской «шестерки» с прицелом на вступление. При этом она попыталась параллельно сформировать резервную альтернативу для себя в виде созданной в 1960 г. Европейской ассоциации свободной торговли в составе себя, Австрии, Дании, Норвегии, Португалии, Швеции и Швейцарии. В отличие от шести стран-основателей Европейских Сообществ (ЕС), именовавшихся тогда «внутренней шестеркой», члены ЕАСТ получили название «внешней семерки».

Однако инициативы Великобритании по сближению с ЕС натолкнулись на противодействие Франции, которую с 1958 г. возглавил президент Ш. де Голль, крайне негативно относившийся к США и Великобритании, не желавшим в годы войны общаться на равных с возглавлявшимся им в Лондоне Французским комитетом национального освобождения и не признававшим его в качестве единственного легитимного представителя всей Франции, а после войны отказавшимся признать Францию в качестве державы-победительницы и великой державы. Франция получила этот статус и, соответственно, свою оккупационную зону в Германии благодаря позиции И.В. Сталина, который явно с дальним прицелом учитывал перспективы послевоенного развития «межимпериалистических противоречий». В итоге британская заявка на вступление в Европейское экономическое сообщество была отвергнута 29 января 1963 г. из-за вето Франции, поскольку, как высказался французский президент, итогом вступления Великобритании стало бы «колоссальное атлантическое сообщество, зависимое от Америки» [5]. Позднее французская сторона повторно применяла свое право вето для блокирования вступления Великобритании в ЕЭС. Пока президентом Франции оставался Ш. де Голль, Великобритания не могла рассчитывать на включение в интеграционные процессы на континенте.

В 1969 г. из-за внутривосточного кризиса Ш. де Голль ушел в отставку. С другой стороны, лидерство США в западном мире уже не воспринималось как абсолютное ввиду очевидного и неизбежного поражения, которое они терпели в Индокитае, а также нарастающих внутренних социальных и расовых противоречий. В начале 1970-х гг. Соединенные Штаты согласились на политику «разрядки» с Советским Союзом. Наступил новый этап в международных отношениях.

В октябре 1972 г. в Париже британский премьер-министр Э. Хит впервые присутствовал на встрече глав правительств Европейского экономического сообщества и подписал соответствующее коммюнике. С января 1973 г. Соединенное Ко-

ролевство Великобритании и Северной Ирландии вместе с Нормандскими Островами, Островом Мэн и Гибралтаром официально стало членом ЕС. После этого, однако, Великобритания не спешила подстраиваться под сложившиеся, а точнее — ранее установленные, прежде всего Францией и Германией, «правила игры». Это проявилось в ее позиции в отношении «Общей сельскохозяйственной политики» ЕС и в отношении системы взносов в общий бюджет. Особенно ярко это выразилось с приходом к власти кабинета консерваторов во главе с М. Тэтчер. На определенном этапе из Лондона даже послышались требования к Брюсселю, которые можно кратко сформулировать: «Верните наши деньги!». Согласно опросу общественного мнения, в 1980 г. примерно 80% британцев полагали, что их стране следует выйти из ЕС.

Что касается мировых проблем, то у Великобритании также сформировалась особая позиция. На рубеже 1970-х — 1980-х гг. она более активно, чем континентальная Европа, поддержала линию сначала демократической администрации Дж. Картера, а затем и республиканской администрации Р. Рейгана на срыв процесса разрядки в отношениях с Советским Союзом. США, похоже, оценили это и в ответ, в отличие от европейцев, занявших отстраненную позицию в британско-аргентинском вооруженном конфликте 1982 г. из-за Фолклендских (Мальвинских) островов, в целом поддержали Великобританию. Экономисты отмечали также большое сходство между внутриэкономической политикой М. Тэтчер и «рейганомикой», сутью которых стало сворачивание социальных программ в противоположность установкам континентальной Западной Европы на «социально-ориентированную рыночную экономику».

Характеризуя в целом внешнюю политику Великобритании в 1980-е гг. и в отношении СССР, где в 1986 г. началась горбачевская «перестройка», и по другим направлениям, следует признать, что она оставалась сложносоставной, своего рода компромиссом между подходами Франции, Германии и других европейских государств, с одной стороны, американскими подходами — с другой, и собственной линией — с третьей. Приветствуя меры по снижению напряженности между СССР и США и ограничению гонки вооружений между ними, Великобритания настороженно отнеслась к объединению Германии. Она же проявила наибольшую среди стран — членов ЕС активность и солидарность с США в осуждении руководства Китайской Народной Республики в связи с событиями 1989 г. на площади Тяньаньмынь в Пекине и принятии соответствующих санкций. Она же стала наиболее активным участником предпринятой США операции «Буря в пустыне» против Ирака в 1991 г.

В определенном смысле европейский и американский компоненты британской внешней политики в наибольшей степени сблизилась в период проведения операций НАТО на территории бывшей Югославии в 1990 г., где континентальные европейские страны — члены ЕС — и они же члены НАТО — действовали в целом согласованно и без явной трений с США. Схожая ситуация сложилась и применительно к операции в Афганистане, последовавшей в ответ на теракты 11 сентября 2001 г. в США. Но уже спустя полтора года, весной 2003 г. британскому

руководству пришлось вновь выбирать между курсом администрации Дж. Буша-младшего на вооруженное свержение режима С. Хуссейна в Ираке и позицией Франции и Германии, которые сочли неубедительными американские «доказательства» стремления Ирака к созданию ядерного оружия и его связей с международным терроризмом. Премьер-министр Т. Блэр оказался в этом вопросе на стороне Дж. Буша-младшего и в явной оппозиции к президенту Ж. Шираку и канцлеру Г. Шредеру.

Что касается ситуации внутри самого ЕС, то Великобритания в 1990-е гг. в меньшей степени, чем при М. Тэтчер, проявляла некую особую позицию внутри этой структуры. Впрочем, приверженность своей национальной валюте, отказ заменить фунт стерлингов введенным в оборот в 1999 г. евро свидетельствовали о прочности позиций «евроскептиков» в британском истеблишменте, иными словами о том, что Великобритания по-прежнему остается на некоторой дистанции от континентальных участников ЕС.

Известно, что рост экономического веса ЕС породил стремление дополнить его дипломатическими и военными инструментами. Первые попытки предпринимались еще полвека назад, в основном на уровне Франции, Западной Германии и Италии. Поиск военно-политической составляющей продолжался десятилетиями. В 1990-е гг. он активизировался, по всей видимости, ввиду исчезновения «советской угрозы» и ослабления необходимости в натовском, т.е. американском, «зонтике безопасности». События на Балканах сблизили позиции государств — членов ЕС, показав их отсталость и зависимость от США в области спутниковой и радиоэлектронной разведки, высокоточного оружия и в целом способности проецировать военную мощь. Одним из выражений этого стало предложение Великобритании о создании сил быстрого реагирования ЕС. Прорывом стал франко-британский саммит в Сен-Мало (1998 г.). Всего лишь за год члены Европейского Союза достигли соглашения в вопросах, обсуждения которых избегали на протяжении полувека.

Тем не менее пока «Европейская политика в области безопасности и обороны» находится на этапе становления, и к тому же сохраняются такие проблемы, как неоднозначность целей, различия в восприятии вызовов и угроз между европейскими государствами (в первую очередь, между так называемой «старой» и «новой» Европой), а также в отношении способов реакции на них, несовместимость тактических интересов. Серьезным испытанием для ЕС стал иракский кризис, вскрывший противоречия между его членами. Но открытое обсуждение разногласий между европейскими государствами позволило двигаться вперед: в конце 2003 г. увидела свет Европейская стратегия безопасности, а под эгидой ЕПБО был проведен ряд операций, в том числе военных.

И все же главной сферой интересов Великобритании в Европе остается экономика — в случае сложностей в этой сфере военно-политическая тематика стремительно уходит на второй и даже третий план. События 2010—2012 гг. убедительно показали это. Так, летом 2010 г., полгода спустя после того, как вступил в силу Лиссабонский договор, сделавший Европейский Союз правосубъектным,

британский министр по европейским делам Д. Лидингтон высказывался весьма положительно о валютной системе ЕС: «Мы желаем успешного функционирования зоны евро. Ее участники — одни из наших самых близких друзей и союзников... Для наших национальных интересов важно, чтобы зона евро была сильной и успешной. 40% нашего экспорта поступает в страны, использующие евро» [2].

Однако уже через год с небольшим, в сентябре 2011 г., министр иностранных дел У. Хейг высказался за большую независимость страны от ЕС. По его мнению, создание зоны евро без согласованной политики, регулирующей государственные расходы и налоговые поступления, стало «большой ошибкой», и в Лондон из Евросоюза должно вернуться больше полномочий [8]. Это подкрепляется конкретными действиями британских банков, уже выведших миллиарды из некоторых стран зоны евро. Лондон явно дистанцируется от взятия каких-то серьезных обязательств по спасению евро, уступая его главным творцам — Германии и Франции — право играть весьма затратную и имеющую туманные перспективы роль «спасителей» Греции и других стран Южной Европы. Отстраненность Великобритании уже неоднократно получала весьма резкие, в том числе публичные оценки со стороны других ведущих членов ЕС, особенно Франции. На саммите ЕС в Брюсселе в октябре 2011 г., посвященном конкретно спасению евро, французский президент Н. Саркози, крайне раздраженный британской позицией, недипломатично посоветовал британскому премьеру Д. Кэмерону «заткнуться» («shut up») [7], а на следующей встрече в конце года по той же проблеме выразился следующим образом: «Мы сказали „нет“ англичанам. Кэмерон вел себя как упрямый ребенок, у которого навязчивая идея: защитить лондонский Сити, оставить за ним звание офшорного центра» [4].

В целом, оценивая роль Великобритании в европейских интеграционных процессах и ее подходы к ним, можно констатировать, что она верна своей давней внешнеполитической традиции проявления осторожности, сохранения запасных альтернатив и, в крайнем случае, путей отхода, в том числе, не исключено, и от ЕС. Она достаточно активно участвует в европейских делах, но именно достаточно, а не чрезмерно, сохраняя баланс между политикой на этом направлении, с одной стороны, и «особыми отношениями» с США, а также соответствующими связями с другими странами, включая свои бывшие колонии — с другой, включая, например, Индию, которая после нескольких десятилетий предпочтительных отношений с СССР в последние годы в своем соперничестве с Китаем как стратегическим партнером России все больше ориентируется на развитие отношений именно с США, Великобританией и Австралией, а также странами Восточной Азии, опасаясь роста китайского влияния.

В непростой конфигурации современной системы международных отношений европейская политика Великобритании представляется вполне обоснованной, разумной и в долгосрочной перспективе отвечающей ее национальным интересам, которые формулируются уже не столь однородной, как в XIX в., но в главных вопросах по-прежнему единой британской правящей элитой.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Заславская Н.Г.* О расширении ЕС // *Politics*. 2003—2004. URL: <http://www.ipolitics.ru/lnk/349.htm>
- [2] *Катранджиев В.* Лиссабонский договор: фокусные точки // *Вестник РУДН. Серия «Международные отношения»*. — 2009. — № 1.
- [3] Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации 12 июля 2008 года. URL: <http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf/0e9272befa34209743256c630042d1aa/d48737161a0bc944c32574870048d8f7?OpenDocument>
- [4] Николя Саркози назвал Дэвида Кэмерона «упрямым ребенком» // adelanta.info // 5.12.2011.
- [5] Цит. по: *Тэтчер М.* Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.
- [6] Nicolas Sarkozy tells David Cameron: shut up over the euro // *The Guardian*. 23 October 2011.
- [7] *The Times*, September 10, 2011.
- [8] UK policy in Europe. Speech by Minister for Europe David Lidington, delivered at the Institute of International and European Affairs in Dublin. 30 June 2010.
- [9] *Wall St. A Stranger in Europe. Britain and the EU from Thatcher to Blair*. — New York: Oxford University Press, 2008.

PECULIARITIES OF GREAT BRITAIN'S PARTICIPATION IN THE EUROPEAN INTEGRATION

I.V. Yanshina

Institute for Contemporary International Studies
Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs of Russia
B. Kozlovskiy p., 4, Moscow, Russia, 107078

The author analyzes the evolution of the Great Britain's approach to the integration processes in Europe, demonstrates the dual nature of it's policy as regards those processes and makes an attempt to reveal what lies at the basis of the UK's «European policy».

Key words: Great Britain, European integration, European Union, «special relations» with the USA, Ch. de Gaulle, H. McMillan, E. Heath, M. Thatcher, T. Blair, D. Cameron, euro, Lisbon Treaty.